

18+ Вячеслав Воейков

Улыбка зверя

Таежная повесть

Вячеслав Воейков

Улыбка зверя. Таежная повесть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64038066

ISBN 9785005328427

Аннотация

И вдруг с улицы послышались отчетливые звуки. Они доносились так явственно, что ошибиться он не мог. Молнией метнулся к столу, схватил нож и сунул в голенище. Толкнул спящего товарища в плечо – тот мгновенно вскочил, словно и не спал.

Содержание

Улыбка зверя	5
Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Улыбка зверя

Таежная повесть

Вячеслав Воейков

© Вячеслав Воейков, 2021

ISBN 978-5-0053-2842-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Улыбка зверя

Часть первая

Жизнь – это череда выборов.

Нострадамус

В маленькой избушке у покосившейся печки сидел мужчина лет сорока пяти и сосредоточенно смотрел на огонь. Он не закрывал дверцу топки, чтобы видеть, как пламя жадно проглатывает подкладываемые дрова. Толкал и толкал дровяшки в ненасытную пасть, как будто пытаюсь усмирить жар, но сухие поленья за секунду охватывались проворным красным змеем. Огненное животное начинало резво скакать и приплясывать на раскаленных углях, и неожиданно они, искрясь, рассыпались в разные стороны, а после неведомая сила подхватывала их и уносила вверх по трубе. Картина ожившего огня завораживала. К тому же сейчас это было для него единственным доступным развлечением.

В задумчивости мужчина машинально провел левой рукой по небритому подбородку, правая замерла, не донеся полена до топки.

Мысли перенеслись в детство, когда на рыбалке с отцом он мог вот так же долго зачарованно смотреть на огонь. Просто сидеть и молчать, погружившись в состояние транса и ощущая полный покой и отрешенность.

Ты и огонь...

Пока отец не толкнет в плечо и не скажет: «Ну что, сын,

пора спать! Чем жарче дрова горят, тем быстрее угасают... А на угли смотреть всегда тоскливо... Пошли! Завтра рано встать...»

Какие-то посторонние, показавшиеся ему неприятными звуки напомнили, что он не один. Справа, из-за грубо сколоченного деревянного стола, послышался шорох, затем кряхтение и громкое причмокивание, словно кто-то там, в углу, только что уплел вкусный обед и теперь во всеуслышание заявлял об этом.

Борис повернулся в сторону, откуда доносились звуки.

Старая деревянная кровать противно заскрипела. С нее поднялся сухощавый мужичок, обвел комнату мутным взглядом, почесал затылок и тут же плюхнулся на стоявший рядом со столом табурет. Своей неопрятной жидкой бородкой и короткими усами он напоминал карикатурного гномика. Круглыми осоловевшими глазами гномик осмотрел комнату, словно видел ее впервые, с трудом сосредоточил взгляд на мужчине у печки и прохрипел:

– Ты дверцу-то закрой, не то сгорим... Слышь, Борис, ты че такой смурной? Ну пойми... Не обижайся, плохо мне сейчас...

Он резко выбросил левую руку вперед, но она тут же бесильно вернулась на его колено.

– Чужой я здесь, а потому никому не нужен...

Он говорил, говорил... Глаза его закрывались, казалось, что он вот-вот снова уснет, но затем голова замирала, ве-

ки тяжело и медленно поднимались, и пустой блуждающий взгляд скользил по комнате.

Борис молча смотрел на друга, который продолжал что-то тихо бормотать, раскачиваясь из стороны в сторону:

– Сам должен видеть... Я пытался закрепиться здесь, правда, пытался... но чувствую, почва уходит из-под ног. Вот так-то, брат... Не получается... таежный народ трудный. Все не просто... Они и книг-то не читают, поговорить не с кем...

Он потянулся за стаканом, в котором оставалась недопитая самогонка.

– Страшно мне в этом поселке.

– А зачем тогда пьешь? – изумился Борис, поднимаясь с табурета. – Ведь, если живешь среди такого народа, ухо надо держать остро.

Он наклонился и осторожно прикрыл дверцу печки, размышляя, как лучше начать разговор. Снова сел на табурет, с неприязнью взглянул на опухшее лицо товарища и после долгого молчания произнес:

– Игорь... Что с тобой произошло? В кого ты превратился? Ты же метеоролог... был интеллигентным человеком. Может, мой вопрос покажется тебе странным, но мне непонятно, зачем ты тогда учился? Чтобы вот так прозябать? Пропивать отпущенные тебе годы...

Игорь молча смотрел на товарища, словно осмысливая услышанное, и неожиданно выпалил:

– Ты что хочешь от меня услышать? Как я ненавижу обитателей этого таежного поселка? – он заскрежетал зубами. – Да, я не смог здесь стать своим. Но куда мне сейчас прикажешь идти? А, да что теперь об этом! Ты у меня в гостях, давай выпьем, а то я чувствую себя совсем никчемным человеком...

Борис увидел, как на какую-то долю секунды глаза Игоря наполнились злобой. Казалось, в это мгновение он ненавидел весь мир.

– Знаешь, Игорь, – Борис изо всех сил старался говорить спокойно. – Я для себя решил, коль уж я здесь, завтра пойду в тайгу. Не хочу просто так проматывать отпуск. И так уже два дня зря потратил... Ну а, когда выйдешь из запоя, поговорим на трезвую голову.

Игорь поскреб бородку и с любопытством уставился на товарища:

– Ну-ну, и как это будет?

– Да как... Все просто. На дворе начало марта, дни стоят хорошие. Хоть будет потом, о чем дома рассказать. А то, кроме твоего пьянства, так ничего и не увижу.

– А меня возьмешь? Вроде как я тайгу знаю.

– Нет, конечно. Из-за тебя уже два дня прошли впустую. Я же не могу дожидаться, когда ты въедешь в реальность. У тебя ведь как получается: до ночи пьянка, а после весь день сон. Сам же просил приехать, только не пойму зачем... Ты меня вообще видишь? Ау! Это я, твой друг детства.

Борис помахал рукой, но никакой реакции не увидел. Его разобрала злость, руки начали непроизвольно жестикулировать. Он сложил их ладонями внутрь и крепко сжал, стараясь успокоиться.

– Вообще-то, я в такую тмутаракань не для того летел, чтоб смотреть на твое прозябание... Я реально думал, тебе помощь нужна. А получается, зря прилетел. Ну а про местных мужиков могу сказать, мне они показались вполне нормальными. Я тут с охотниками познакомился, дали советы, как ходить в тайге. Ну, конечно, и о тебе разговоры послушал...

При этих словах Игорь поднял голову и, приоткрыв правый глаз, стал рассматривать Бориса. Левый глаз оставался закрытым, только веко его дрожало мелко и часто. Любопытство пересилило, и без особого интереса он спросил:

– Ну... и что они обо мне могут говорить?..

– Да разное, – уклончиво ответил Борис, – в основном считают тебя бездельником и пьяницей. А ведь так оно и есть, если со стороны посмотреть.

Он изучающе разглядывал товарища, стараясь подавить в себе жалость.

– Вот скажи честно, пока ты здесь жил, сам-то в тайгу ходил?

Игорь, сидевший за столом, покачал головой из стороны в сторону, словно был с чем-то не согласен.

– Ну да, какой из тебя ходок... Ты бы хоть пожалел себя,

ведь всего-то сорок пять, а выглядишь на все семьдесят, – Борис тяжело вздохнул. – А по твоим редким письмам картинка совсем другая складывалась. Мне кажется, ты сам виноват во всех своих бедах. В поселке у людей дома добротные, крепкие, а ты свою развалюху за десять лет не смог в порядок привести. Самому-то в ней жить не противно?

Открыв дверцу печки, он подбросил пару поленьев в огонь и усмехнулся:

– А ведь я помню, как ты писал, мол, приезжай, все будет круто... Походим по тайге, покажу тебе много чего. Ты же ничего не можешь! Даже отношения с местными наладить не сумел. Как ты их наладишь, если постоянно пьешь? Они работают, охотятся, живут, жизни радуются, а ты вечно в запое. За столько лет так чужаком для них и остался. И я теперь понимаю почему.

– Ну, извини, так получилось, – донеслось до него пьяное бормотание. – Пойдем им морды набьем, что ли...

За окном шумел ветер, ветви деревьев раскачивались и скрипели. Было десять часов вечера. В дверь кто-то поскребся.

– А..., наверное, это твой маленький Шкет, – глянув на дверь, буркнул Игорь.

Улыбнувшись, Борис пошел открывать. В комнату, неся с собой клубы холода, вкатился пушистый щенок. Длинная шерсть его была покрыта замерзшими льдинками, он жалобно скулил и трясся. Все это время Борис заботился о щенке

Игоря, следя за тем, чтобы тот не убежал со двора. В поселке выживают только рабочие лайки, ничейных собак загрызают.

– Ну вот, Шкет, – ласково потрепал он его рукой, – взял бы я тебя с собой в тайгу, да больно ты маленький.

– На кой хрен ты его запустил, – недовольно проворчал Игорь. Протерев пальцами глаза, он взглянул на щенка и добавил: – Эта чума сейчас согреется и нагадит.

Не обращая внимания на его недовольство, Борис подошел к зашарпанному холодильнику и вынул из него двухлитровую банку молока. Он купил ее еще днем у соседа. Налив в пластмассовую миску, ткнул щенка в молоко мордочкой.

Тот, тяжело вздыхая и урча от наслаждения, стал жадно лакать. Присев возле пушистого комочка на корточки, Борис заметил, что Игорь искоса наблюдает за его действиями. Погладив щенка, он поднялся и расстроено сказал:

– Знаешь, я правда не могу понять, зачем сюда прилетел. Вроде ехал к другу... Хотел увидаться, поговорить. Сходить на лыжах, хотя бы день пожить в настоящей тайге, поохотиться. А что получается...

Борис подошел к покосившейся прожорливой печурке, из всех щелей которой тянулся дымок, открыл дверцу и подбросил еще поленьев. Затем вернул дверцу на место и закрыл щеколду.

– А получается, – продолжил он с раздражением, – ерунда какая-то. Ты не просыхаешь... И, похоже, всегда так живешь. Ты сам для себя хоть что-то сделай...

Гномик вновь уставился на Бориса затуманенным взглядом и процедил:

– Вот тебе сейчас со мной плохо... ты меня ругаешь, а сам-то в людях ни хрена не разбираешься... А я с ними здесь живу... Я их насквозь вижу...

– Игорь, да очнись наконец! Мне просто хочется, чтобы ты был в своем уме, – выпалил Борис, со злостью глядя на товарища.

Но перед ним сидел совсем не тот Игорь, которого он знал с детства. За прошедшие десять лет, что они не виделись, друг стал каким-то чужим. Видавший виды толстый лоснящийся от грязи свитер висел на нем мешком. Когда-то приятное лицо изменилось до неузнаваемости. Похоже, запой длился постоянно. Десять лет назад Игорь уехал из города «за туманом и за запахом тайги». Сначала писал восторженные письма о своих планах и намерениях, потом их поток почти иссяк. И вот несколько последних писем с просьбой срочно приехать заставили Бориса собраться и прилететь к другу.

Борис оглянулся: серый комочек, свернувшись и уткнув морду в лапы, спал. Бока его округлились и шевелились от дыхания.

– Ну а щенок... За него беспокоиться не стоит: если и нагадит, я за ним уберу.

Игорь что-то невнятно пробормотал, потом махнул рукой и с удивлением уставился на бутылку, не понимая, по-

чему содержимое закончилось. Его голова с полуоткрытым правым глазом медленно повернулась вправо, затем влево. Не обнаружив ничего интересного, он попытался приподняться, но это удалось ему только наполовину. В тот же момент он упал через табуретку на грязную постель, свернулся калачиком и сразу же уснул.

– Вот и опять поговорили ни о чем, – с горечью обронил Борис.

Поднявшись, он начал готовиться к походу в тайгу. Еще днем решил, что задерживаться в таежном поселке больше не будет. Просто скука уже стала смерти подобна. Побеседовав с охотниками, которых встретил в магазине, он уже знал, куда пойдет и что возьмет с собой. Приготовив все, что нужно для похода, присел и еще раз мысленно пробежался по списку, уточняя, что будет надевать и чем питаться во время похода.

Вскользь глянул на часы и удивился – время неумолимо скакало вперед. Ходики показывали час ночи. Постелив себе на полу, снял с вешалки огромный тулуп и набросил на тонкое одеяло. Погасил ночник. На полу он ночевал вторую ночь.

Уже засыпая под теплым тулупом, услышал, как где-то далеко выли волки. Резкий ветер теребил крышу углого домишки, и снаружи то с одной, то с другой его стороны жалобно скрипели доски. Тревожные звуки накаляли и без того напряженную атмосферу в доме, носились по избушке,

словно кто-то невидимый на улице назло всем раскачивал и раскачивал ржавые качели. Это был какой-то ужас, вторая ночь – и снова игра на нервах.

Он уснул с мыслями, что от такого можно просто сойти с ума.

Едва только первый луч солнца заглянул в окно, Борис сразу же проснулся. Тулуп приятно согрел его, и сразу вскакивать не хотелось. Он еще какое-то время лежал и бездумно смотрел на потолок.

День в тайге, как говорят охотники, всегда короткий, надо торопиться. А потому сборы оказались быстрыми. Рюкзак был уложен с вечера. Туда вошли крупа, сухари, кусок сала и пачка соли с консервами. Компас в карман, спички в рюкзаке. Лыжи с палками в сенях. Огляделся – вроде бы все.

Вскипятил чай, сделал бутерброды с сыром, без аппетита перекусил. Оставшиеся три бутерброда завернул в газету и засунул в рюкзак.

– Ну, вот и все! Поел, присел – и в путь.

Для себя он наметил, что доберется до охотничьей избушки, там переночует, а утром, если повезет, дойдет до тока глухаря. Ну а после тем же ходом вернется в поселок. Вчера днем в магазине старый охотник подробно объяснил, как добраться до охотничьего ночлега: «Как только выйдешь к реке, двигай по правую сторону берега на запад. Километров через пятнадцать-двадцать увидишь на деревьях зарубки, ну и по этим меткам дойдешь до охотничьей избушки...»

Попутно опытный таежник проинструктировал, что с собой брать и как не заблудиться: «Главное – не паникуй! Если поймешь, что заплутал, присядь, обмозгуй – решение само придет...»

Мысли Бориса прервал пушистый комочек, который, проснувшись, стал тереться об его ногу, когда он уже стоял около дверей и надевал теплый полушубок на меху. Щенок наскакивал на валенки как на своего ненавистного врага. Пришлось его покормить и быстро выставить за двери, пока не набедокурил.

Заскорузлые выдавшие виды ватные штаны, латаный-перелатанный полушубок с дырками, из которых пучками торпорщился мех, на голову – старую шапку с опущенными ушами, сшитую из шкуры непонятно какого зверя. Когда все это было надето, Борис, увидев свое отражение в мутном зеркале, невольно улыбнулся. «Бродяга, истинный бродяга», – пронеслось в голове. Но в глубине души остался собой доволен. Это все, что можно было найти в избушке для похода.

– Ну что, бродяга, вперед! – подмигнул он сам себе, и улыбка расплылась во всю ширь лица.

Двустволка шестнадцатого калибра висела на крючке стволами вниз. Осторожно взяв ее двумя руками, осмотрел со всех сторон.

– Прекрасно! – прошептал с удовлетворением и, надев рюкзак, пристроил оружие на левом плече. В карман бросил всего шесть патронов, которые нашел в патронташе.

«Конечно, охотник из меня никакой, но для спокойствия сойдет», – хмыкнул про себя.

Выйдя из остывшего за ночь дома, Борис осторожно прикрыл дверь. Шкет клубочком выкатился из будки и, часто виляя хвостом, поспешил к Борису.

– Вырастай, друг, и в следующий раз мы с тобой пойдем в далекие дали по таежным тропам, —нагнувшись, он потрепал щенка по холке. – А сейчас —пока.

Заперев за собой калитку, надел на валенки лыжи и жестко закрепил их веревкой. В последний раз оглянулся на избушку и легко заскользил по твердому насту через сопку к далекой реке.

Погода стояла морозная, но солнце светило по-весеннему. Настроение было бодрое. Лыжи сами несли его вперед, преодолевая глубокий снег.

До реки, казалось, добрался быстро. Морозец щекотал щеки и подбородок, но голова под теплой шапкой вспотела, хотелось сбросить ее и понестись вниз по склону к реке.

Пока Борис переваливал через сопку, дятел-барабанщик рассыпался дробью по дереву, бойко выбивая оживленную утреннюю мелодию. А возможно, выражая свое недовольство появлением одинокого человека.

Он впервые оказался в тайге, и воображение раскручивалось и несло вдаль. Впереди он видел бескрайние просторы реки с очертанием берегов и излучин. По обеим ее сторонам тянулась застывшая темной стеной тайга.

Через время он уже спускался к берегу.

«Ну, вот я и у реки. Странно, такой сказочный день, а рыбаков нет», – мелькнуло в голове.

Шустрые песцы, совсем не страшась человека, гонялись друг за другом. Он шел на лыжах по сверкающему мартовскому снегу, не задумываясь, что будет впереди. Просто поставил себе цель, и ему казалось, что лыжи сами знают, куда идти, а он только переставляет ноги. Густой мех полушубка согревал его грудь, чувствовалось, что еще чуть-чуть — и пот начнет струйками стекать по спине.

«Может, зря я так тепло оделся», – подумал он и, остановившись, расстегнул пуговицы полушубка. Глянул вниз на свои короткие белые валенки и довольно заулыбался: жестко прикрепленные к ним лыжи слушались хозяина, с легкостью повинаясь каждому его движению.

Держась правой стороны берега, зашагал теперь строго на запад, обходя упавшие деревья и кустарники.

Шел и радовался красоте природы, не мог надышаться... Вот оно, умиротворение. Такая тишина и покой! И жизнь городская кажется далекой и ненужной. Наверно, в такие моменты появляется азартное желание испытать себя в более серьезных делах.

Шагая вдоль берега, Борис то и дело останавливался и всматривался вдаль – совсем скоро он будет там, где токуют глухари. «Блин, говорят, что это завораживающее зрелище», – радостно стучало сердце. Недалеко от берега он

должен увидеть на деревьях метки – такие затесы в тайге оставляют охотники, чтобы по ним можно было найти дорогу к охотничьей избушке. Конечно, к этому времени уже стемнеет, так как ночь в тайге наступает стремительно. Зато как заправский охотник переночует в таежной избушке, ведь он так долго об этом мечтал, шел к этому, и наконец это случится наяву. Ну а после по старым следам обратно в поселок.

Борис поправил тяжелый рюкзак, который оттягивал плечи: еды набрал на два-три дня. Это неписаное правило он знал давно: идешь на день – бери в два раза больше. Вспомнил, как в начале пути за ним увязался молодой долговязый пес, помесь овчарки с лайкой. Но, поднявшись вместе с ним на сопку, видно, понял, что ошибся хозяином, и, чтобы не терять зря время, куда-то исчез. По всему видать, плюнул и сбежал в поселок.

Плавное течение мыслей прервал рябчик, шумно вылетевший прямо у него из-под ног.

Борис поднял руку с лыжной палкой и погрозил ему вслед. Лыжи скользили, похрустывая и сминая снег.

Снова нахлынули воспоминания. Игорь, друг детства, писал, что, обосновавшись в таежном поселке, нашел здесь свою отдушину и смысл жизни. Собирался строить собственный дом, так как пока жил во времянке. Работа его заключалась в том, что он делал замеры течения реки, и эти данные отправлял по инстанции в Москву. Зачем эта информация была нужна и приносила ли кому-то пользу, он и сам не знал.

Попав в этот поселок много лет назад, он считал, что судьба его вполне удалась, и ни на что не жаловался. Писал, что таежный поселок состоит из двадцати домов, и, убежав из города, здесь, в тайге, он чувствует себя свободным.

Вот эту-то свободу Борис и увидел. Прилетев на самолете АН-2, удивился, что его никто не встретил. Найти жилище Игоря оказалось несложно, так как все местные жители здесь друг друга знали. Он вошел в дом, который больше напоминал сарай с окном и состоял из комнатушки и маленькой кухни с покосившейся печкой. Рядом с печкой почти вплотную к ней приткнулся деревянный топчан, позже служивший ему местом для сна. Топчан подпирали самодельный стол из плохо обструганных досок, за которым Борис и увидел своего друга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.